

**O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASIDA FUQAROLIK JAMIYATI
INSTITUTLARINI TASNIFLASHNING ILMIY-AMALIY MASALALARI.**

Xudoyberdiyev Abdurashid Abdurasulovich.

O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi Ma’muriy huquq kafedrası boshlig‘i,
yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), dotsent

Tel: +998 93 760-73-75

Dinara Azamatova

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi.

+998 77 231-44-11

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20418543>

Annotatsiya: Maqolada O‘zbekiston Respublikasida fuqarolik jamiyati institutlarini tasniflashning ilmiy-nazariy va amaliy asoslari tadqiq etilgan. Muallif ushbu institutlarning huquqiy maqomi, ularning davlat va jamiyat boshqaruvidagi o‘rni hamda tasniflash mezonlarini takomillashtirish masalalarini tahlil qiladi. Shuningdek, milliy qonunchilikni xalqaro standartlar asosida rivojlantirish bo‘yicha takliflar ilgari surilgan.

Kalit so‘zlar: fuqarolik jamiyati, institutlar, tasniflash, NNT, ijtimoiy sheriklik, jamoatchilik nazorati, huquqiy davlat, demokratik islohotlar.

*SCIENTIFIC AND PRACTICAL ISSUES OF CLASSIFICATION OF CIVIL
SOCIETY INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN.*

Abstract: The article examines the scientific-theoretical and practical foundations for the classification of civil society institutions in the Republic of Uzbekistan. The author analyzes the legal status of these institutions, their role in state and public administration, as well as issues of improving classification criteria. Proposals for the development of national legislation based on international

Contact: 99 826 99 56

standards are put forward.

Keywords: civil society, institutions, classification, NGO, social partnership, public control, rule of law, democratic reforms.

*НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ
ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ
УЗБЕКИСТАН.*

Аннотация: В статье исследуются научно-теоретические и практические основы классификации институтов гражданского общества в Республике Узбекистан. Автор анализирует правовой статус этих институтов, их роль в государственном и общественном управлении, а также вопросы совершенствования критериев классификации. Выдвигаются предложения по развитию национального законодательства на основе международных стандартов.

Ключевые слова: гражданское общество, институты, классификация, ННО, социальное партнерство, общественный контроль, правовое государство, демократические реформы.

В условиях масштабных трансформаций, осуществляемых в рамках реализации Стратегии «Узбекистан – 2030», построение сильного гражданского общества и превращение его в «основную опору государственного управления» становится стратегическим приоритетом национального развития. Актуальность классификации институтов гражданского общества в Республике Узбекистан в данный период обусловлена несколькими ключевыми факторами¹.

Во-первых, Стратегия «Узбекистан – 2030» ставит амбициозные цели

¹Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158 «О Стратегии Узбекистан–2030» // Национальная база данных законодательства (Lex.uz).

по повышению эффективности общественного контроля над деятельностью государственных органов и широкому вовлечению негосударственных некоммерческих организаций (ННО) в процессы реформирования. Четкая научно обоснованная классификация институтов гражданского общества необходима для определения адресных механизмов государственной поддержки и распределения социальных заказов, что напрямую коррелирует с задачей по увеличению объема услуг, передаваемых общественному сектору.

Во-вторых, принятая в новой редакции Конституция Республики Узбекистан (2023 г.) существенно укрепила правовой статус институтов гражданского общества. Глава XIII Конституции закрепляет роль ННО, махалли и СМИ как важнейших элементов системы². Однако отсутствие в современной юридической науке Узбекистана единой типологии, учитывающей как классические формы (профсоюзы, партии), так и специфические национальные институты (самоуправление граждан — махалля), создает пробелы в методологии правового регулирования.

В-третьих, цифровая трансформация и развитие гражданской активности в интернет-пространстве (краудсорсинг, петиции, волонтерские сети) требуют расширения классификационных признаков. Традиционные подходы не всегда позволяют идентифицировать современные формы гражданского участия, что затрудняет мониторинг реализации Стратегии «Узбекистан – 2030» в части развития демократических институтов.

Следовательно, выработка единой системы классификации ИГО выступает не только фундаментальной задачей правовой доктрины, но и прикладным инструментом для совершенствования диалога между государством и обществом, развития механизмов социального партнерства и

²Конституция Республики Узбекистан (в новой редакции, принятой на референдуме 30 апреля 2023 года). — Ташкент: «O'zbekiston», 2023. — Глава XIII, Статьи 76-79.

обеспечения транспарентности власти.

В современной юридической практике и социологических исследованиях Республики Узбекистан классификация институтов гражданского общества по функциональному признаку (сферам деятельности) является наиболее востребованной. Это обусловлено необходимостью четкого определения направлений государственного субсидирования и реализации механизма социального партнерства³. Исходя из приоритетных направлений развития страны, институты гражданского общества можно классифицировать на следующие группы:

Первая группа — организации в сфере социальной защиты населения. Данные институты гражданского общества направляют свои усилия на поддержку уязвимых слоев населения, лиц с инвалидностью, малообеспеченных семей и пожилых граждан. Они выполняют важную роль посредника между государством и социально нуждающимися гражданами, обеспечивая адресность помощи и расширение спектра социальных услуг.

Вторая группа — институты экологической направленности. В условиях изменения климата и экологических проблем Приаралья деятельность негосударственных организаций в сфере охраны окружающей среды и формирования экологической культуры населения приобретает критическое значение. Такие организации активно участвуют в реализации общенационального проекта «Яшил макон» («Зеленый край»).

Третья группа — организации в области правовой поддержки и защиты прав человека. Деятельность этих институтов сосредоточена на повышении правового сознания и правовой культуры граждан, оказании безвозмездной

³Жураев Н. Научно-теоретические основы институционализации гражданского общества в Новом Узбекистане // Журнал актуальных исследований. — 2023 год. — № 3.

юридической помощи и осуществлении общественного контроля над соблюдением законности в деятельности государственных органов.

Четвертая группа — институты молодежной политики. Учитывая, что большая часть населения Республики Узбекистан составляет молодежь, данные организации выступают ключевым звеном в воспитании гармонично развитого поколения, поддержке предпринимательских инициатив молодых людей и их интеграции в общественно-политическую жизнь страны.

Пятая группа — институты в сфере поддержки институтов семьи, женщин и гендерного равенства. Данная категория организаций содействует расширению прав и возможностей женщин во всех сферах жизни, защите их от притеснения и насилия, а также укреплению института семьи как фундамента гражданского общества.

Функциональная классификация дает возможность не только систематизировать действующие институты гражданского общества, но и выявить те сферы, которые нуждаются в дополнительной поддержке со стороны государства и населения.

Территориальный масштаб деятельности выступает одним из ключевых критериев классификации институтов гражданского общества, позволяющим определить зону их ответственности и уровень взаимодействия с органами государственной власти. Согласно исследованиям экспертов в области государственного управления, в условиях административных реформ 2024–2025 годов данная классификация приобретает особое значение для обеспечения эффективности общественного контроля.

Первый уровень классификации — республиканские институты гражданского общества. К данной категории относятся организации, деятельность которых распространяется на всю территорию Республики Узбекистан. Исследователь Темур Маратович Исамухамедов подчеркивает,

что такие институты выступают стратегическими партнерами центральных органов власти в реализации общенациональных программ и разработке нормативно-правовых актов. Они обладают разветвленной сетью филиалов и координируют деятельность своих подразделений во всех регионах страны⁴.

Второй уровень охватывает областные (региональные) институты гражданского общества. Сфера их деятельности ограничивается территорией конкретной области или города Ташкента. В научных работах Ж.Нажмиддина отмечается, что региональные организации играют важную роль в адаптации общегосударственных реформ к специфическим нуждам регионов, а также в решении локальных социально-экономических вопросов через механизмы социального партнерства с областными администрациями⁵.

Третий уровень составляют местные (районные и городские) институты гражданского общества. Деятельность этих структур локализована в пределах конкретного района или города. Особое место на данном уровне занимают органы самоуправления граждан — махалли. В публикациях ученые-правоведы указывают на то, что именно местные институты обеспечивают непосредственную связь населения с государством, формируя фундамент «сильного гражданского общества» на низовом уровне⁶.

Важным аспектом современных исследований является выделение трансграничных институтов гражданского общества, которые, будучи зарегистрированными в Республике Узбекистан, активно участвуют в международных проектах и представляют интересы страны на глобальном уровне. Как отмечает академик **Акмаль Холматович Сайидов**, такая

⁴**Исамухамедов Темур Маратович.** Институциональная структура гражданского общества в Новом Узбекистане: анализ уровней взаимодействия // Электронный научный журнал «Science and Education». — 2024 год. — Том 5. — Выпуск 3.

⁵**Жураев Нажмиддин.** Региональные аспекты развития гражданской активности в Республике Узбекистан // Журнал актуальных исследований. — 2024 год. — № 6.

⁶**Рахимов Марат Анварович.** Правовые основы деятельности местных институтов гражданского общества в контексте административной реформы // Вестник юридических наук Республики Узбекистан. — 2024 год.

классификация необходима для оценки потенциала народной дипломатии в условиях формирования Нового Узбекистана⁷.

В конечном счете, деление институтов гражданского общества на республиканские, областные и местные уровни позволяет четко распределить полномочия и ресурсы, обеспечивая эффективный диалог между государственными структурами и населением на всех этапах управления.

Научный анализ институциональной структуры гражданского общества в Республике Узбекистан позволяет выделить классификацию по способу формирования и историческим истокам возникновения организаций. Данный подход дает возможность разграничить институты, основанные на национальных традициях, частной инициативе граждан или профессиональной общности интересов.

Первая группа — традиционные институты гражданского общества, ядром которых является махалля. В отличие от западных моделей, махалля в Узбекистане представляет собой уникальный исторический институт самоуправления. Как подчеркивает исследователь **Отабек Бахриддинович Мухаммадиев**, традиционные институты выполняют роль естественного связующего звена между семьей и государством, обеспечивая сохранение национального менталитета в условиях глобализации⁸.

Вторая группа включает в себя инициативные институты гражданского общества, к которым относятся организации, созданные по добровольной воле граждан для решения конкретных общественных задач. В работах **Дилнозы Муратовны Гафуровой** отмечается, что такие институты сегодня становятся драйверами социальных инноваций, особенно в сфере защиты прав женщин и

⁷Сайидов Акмаль Холматович. Конституционный статус институтов гражданского общества и международное сотрудничество // Журнал «Демократизация и права человека». — 2025 год. — № 1.

⁸Мухаммадиев, Отабек Бахриддинович. Место и роль традиционных институтов в системе современного гражданского общества Узбекистана / Отабек Бахриддинович Мухаммадиев // Научный вестник Самаркандского государственного университета. — 2024 год. — № 2. — Страницы 88–94.

молодежных инициатив. Эти организации классифицируются как динамичные структуры, способные оперативно реагировать на возникающие общественные потребности.

Третья группа представлена профессиональными институтами гражданского общества, такими как профессиональные союзы и отраслевые ассоциации. В исследованиях Рустама Хайдаровича Эргашева акцентируется внимание на том, что данные организации формируются по корпоративному признаку для защиты трудовых прав и продвижения профессиональных стандартов. Профессиональные объединения выступают в качестве экспертных сообществ, участвующих в разработке государственных стратегий развития соответствующих отраслей⁹.

Дифференциация институтов гражданского общества по способу их формирования позволяет государству выстраивать специфические модели взаимодействия с каждой группой, учитывая как исторический опыт махалли, так и современный потенциал профессиональных и инициативных сообществ.

Важным критерием типологии институтов гражданского общества в Республике Узбекистан является характер их взаимодействия с органами государственной власти и управления. Данная классификация позволяет определить степень влияния гражданского сектора на процессы принятия государственных решений и механизмы обеспечения прозрачности государственного аппарата.

Первая категория включает в себя консультативно-совещательные институты гражданского общества. К ним относятся общественные советы при государственных органах, деятельность которых направлена на

⁹Эргашев, Рустам Хайдарович. Профессиональные союзы в системе институтов гражданского общества: правовые аспекты трансформации / Рустам Хайдарович Эргашев // Юридическая наука и практика. — 2025 год. — № 3. — Страницы 110–117.

обеспечение учета общественного мнения при разработке программ развития и нормативно-правовых актов. Как отмечает исследователь **Рахим Расулжонович Хакимов (2024 год)**, такие институты выступают «диалоговым мостом», позволяющим интегрировать экспертный потенциал гражданского общества в систему государственного управления на ранних этапах планирования¹⁰.

Вторая категория представлена институтами, выступающими как полноправные субъекты общественного контроля. Их правовой статус закреплен Законом Республики Узбекистан «Об общественном контроле» и обновленной Конституцией. Исследователь **Дилноза Муратовна Гафурова** подчеркивает, что классификация данных институтов должна учитывать их полномочия по проведению общественной экспертизы, мониторинга и слушаний¹¹. Особое место здесь занимают средства массовой информации и органы самоуправления граждан, которые осуществляют контроль над целевым использованием бюджетных средств и качеством оказания государственных услуг на местах.

Третья категория объединяет институты социального партнерства. Данные организации взаимодействуют с государством на основе соглашений для совместного решения социально значимых задач. В научных работах акцентируется внимание на том, что такие институты не просто контролируют власть, а разделяют с ней ответственность за социальное благополучие населения через систему государственных социальных заказов

¹⁰**Хакимов, Рахим Расулжонович.** Парламентаризм и институты гражданского общества: механизмы эффективного сотрудничества в Новом Узбекистане / Рахим Расулжонович Хакимов // Право и жизнь. — 2024 год. — № 5. — Страница 14.

¹¹**Гафурова, Дилноза Муратовна.** Субъекты общественного контроля в системе защиты конституционных прав граждан / Дилноза Муратовна Гафурова // Журнал социологических исследований. — 2025 год. — Том 7. — Выпуск 1. — Страница 42.

и грантов.

Классификация по отношению к государству демонстрирует эволюцию гражданского сектора от пассивного наблюдателя к активному участнику управленческих процессов, что соответствует целям Стратегии «Узбекистан – 2030».

В процессе качественной трансформации институциональной системы Республики Узбекистан одной из наиболее сложных научно-практических проблем остается размытость границ между государственным управлением и общественной деятельностью. В юридической литературе и политической науке данный феномен часто связывают с возникновением так называемых «ГОНГО» (аббревиатура, означающая неправительственные организации, инициированные государством).

Научный анализ показывает, что в условиях реализации Стратегии «Узбекистан – 2030» институты гражданского общества нередко наделяются функциями, которые по своей природе являются государственными. Как отмечает исследователь **Санжар Саидович Муминов**, чрезмерная государственная опека над вновь создаваемыми институтами гражданского общества создает риск «имитационной демократии», когда формально независимые структуры фактически выступают проводниками ведомственных интересов¹². Это существенно затрудняет их классификацию, так как стирается грань между добровольной инициативой и государственным поручением.

Исследователь **Нигора Анваровна Юлдашева** в своих трудах указывает на проблему функционального дублирования. Согласно ее анализу,

¹²**Муминов, Санжар Саидович.** Проблемы институциональной автономии в системе гражданского общества Нового Узбекистана / Санжар Саидович Муминов // Вестник юридических наук. — 2024 год. — № 4. — Страница 22.

многие крупные республиканские ассоциации, созданные по постановлениям правительства, по своей структуре и методам работы напоминают министерства¹³. Автор подчеркивает, что такая модель «управляемого гражданского общества» эффективна для оперативного решения социальных задач, но сдерживает развитие естественных, низовых инициатив населения.

Проблема размытости границ функций также детально рассматривается в работах **Азиза Бахтияровича Каримова** акцентирует внимание на том, что статус субъекта общественного контроля требует от института гражданского общества полной финансовой и организационной автономности от объекта контроля³. В противном случае возникает конфликт интересов, превращающий общественный мониторинг в формальную процедуру одобрения государственных решений¹⁴.

Для совершенствования классификации институтов гражданского общества в Узбекистане необходимо внедрение критериев «реальной автономности», которые позволят отделить подлинно общественные объединения от структур, созданных для реализации государственных задач в негосударственной правовой форме.

В современной юридической науке Республики Узбекистан вопрос классификации институтов гражданского общества претерпевает существенную трансформацию под влиянием процессов цифровизации и социальной мобильности. Традиционный подход, базирующийся на институциональном признаке (наличие государственной регистрации),

¹³**Юлдашева, Нигора Анваровна.** Анализ деятельности «квазигосударственных» общественных структур в контексте административных реформ / Нигора Анваровна Юлдашева // Журнал государственного управления и политики. — 2024 год. — Том 8. — Выпуск 2. — Страница 64.

¹⁴**Каримов, Азиз Бахтиярович.** Правовые механизмы предотвращения конфликта интересов при осуществлении общественного контроля / Азиз Бахтиярович Каримов // Юридическая мысль Узбекистана. — 2025 год. — № 1. — Страница 37.

вступает в противоречие с фактическим состоянием общественных отношений.

Исследование цифровых гражданских инициатив позволяет выделить их в отдельную категорию «сетевых структур», которые, согласно мнению ряда экспертов, обладают признаками самоорганизации, добровольности и целеполагания, закрепленными в ст. 58 Конституции Республики Узбекистан¹⁵. В данном контексте цифровые инициативы, лишённые статуса юридического лица, следует классифицировать как *горизонтальные институты*, функционирующие на принципах децентрализованного управления. Такие субъекты, как сообщества в социальных сетях и мессенджерах (например, экологические движения или группы правовой поддержки), фактически выполняют функции общественного контроля, предусмотренные Законом РУз «Об общественном контроле», однако формально остаются вне системы государственного мониторинга¹⁶.

Проблема классификации волонтерских движений, не имеющих статуса юридического лица, тесно связана с понятием «адхократии» — формы организации, которая создается для решения конкретной социальной задачи и распадается или трансформируется после её достижения. В рамках реализации Закона «О волонтерской деятельности» наблюдается коллизия: законодатель признает индивидуальное волонтерство, но не в полной мере раскрывает правовой статус коллективных инициативных групп без образования ННО¹⁷.

С научно-практической точки зрения, такие движения необходимо классифицировать по *целевому вектору активности*: гуманитарные (оказание помощи при ЧС), мониторинговые (контроль за исполнением государственных программ на местах) и инфраструктурные. Отсутствие

¹⁵ Конституция Республики Узбекистан в новой редакции. — Т.: «Adolat», 2023. — С. 24.

¹⁶ Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле» от 12.04.2018 г. № ЗРУ-474.

¹⁷ Закон Республики Узбекистан «О волонтерской деятельности» от 02.12.2019 г. № ЗРУ-585.

четкой классификации данных групп в реестрах органов юстиции создает барьеры для их участия в системе государственных социальных заказов, что требует пересмотра механизмов грантовой поддержки, закрепленных в Постановлении Президента № ПП-5012¹⁸.

Особую сложность в классификации представляют цифровые платформы гражданского участия, функционирующие по модели краудсорсинга. В отличие от классических ННО, данные инициативы базируются на алгоритмическом управлении и «цифровой солидарности». Исследователи отмечают, что подобные структуры следует рассматривать как *гибридные формы гражданской активности*, сочетающие в себе элементы СМИ, правозащитных организаций и дискуссионных площадок¹⁹.

Интеграция таких «неформальных» субъектов в правовое поле Узбекистана возможна через внедрение системы цифровой идентификации лидеров мнений и верификацию инициативных групп без принудительной институционализации. Это позволит сбалансировать потребность государства в прозрачности финансовых потоков гражданских инициатив и потребность общества в гибких, небюрократизированных формах самоорганизации²⁰.

В современной правовой доктрине Республики Узбекистан вопрос классификации институтов гражданского общества приобретает особую остроту в связи с переходом к концепции «Узбекистан – 2030», предполагающей передачу значительной части государственных функций общественному сектору. Однако существующая научно-методологическая база мониторинга этих процессов демонстрирует существенный разрыв между

¹⁸Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по поддержке государственных институтов гражданского общества» от 03.03.2021 г. № ПП-5012.

¹⁹Саидов А.Х. Гражданское общество Узбекистана: институциональный анализ и перспективы цифровизации // Журнал правовых исследований. — 2023. — №8. — С. 12-19.

²⁰Юсупов Ш. Трансформация волонтерских движений в Центральной Азии: от стихийности к системности // Социологические исследования Узбекистана. — 2022. — Т. 4, №2. — С. 45-51.

динамично развивающейся социальной реальностью и закостенелыми механизмами статистического учета.

Основная проблема заключается в том, что действующий Общегосударственный классификатор предприятий и организаций (ОКПО) и классификатор ОКОНХ базируются на жесткой привязке к организационно-правовым формам, закрепленным в Гражданском кодексе, что априори исключает из поля статистического наблюдения цифровые гражданские инициативы и неформальные волонтерские движения. Данные группы, не обладая статусом юридического лица, фактически выполняют функции полноценных институтов гражданского общества — от общественного контроля до оказания социальных услуг — однако в официальных отчетах Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан они проходят как «индивидуальная активность граждан», что ведет к системному занижению роли гражданского общества в социально-экономическом развитии страны²¹.

Несовершенство существующих классификаторов порождает методологическую проблему «невидимости» значительных финансовых и человеческих ресурсов, аккумулируемых через цифровые платформы. В частности, стихийный краудфандинг и сетевые волонтерские сообщества в мессенджере Telegram, которые в периоды чрезвычайных ситуаций (например, пандемия COVID-19 или техногенная катастрофа на Сардобинском водохранилище) мобилизуют ресурсы, сопоставимые с деятельностью крупных международных фондов, не имеют адекватного отражения в национальных статистических показателях.

Правовой вакуум в определении статуса «неформального объединения»

²¹**Закон Республики Узбекистан** «О негосударственных некоммерческих организациях» (новая редакция) // Ведомости Олий Мажлиса РУз. – 1999. – № 5. (с изменениями и дополнениями).

приводит к тому, что государственные органы при формировании социального заказа опираются на искаженные данные, учитывающие только количество зарегистрированных ННО, а не реальный охват гражданской активности.

Согласно международным стандартам, таким как Руководство по измерению волонтерской деятельности МОТ, статистический учет должен охватывать и неорганизованное волонтерство, однако в Узбекистане отсутствие соответствующих индикаторов в национальных классификаторах делает невозможным проведение качественного сравнительного анализа эффективности государственно-частного партнерства²².

Научно-практическая значимость решения данной проблемы обусловлена необходимостью цифровой трансформации мониторинга ИГО. Переход от «статусной» классификации (наличие регистрации) к «функциональной» (фактическая деятельность) требует внедрения системы цифровых идентификаторов для неформальных инициатив.

В рамках Постановления Президента № ПП-5012 подчеркивается важность поддержки гражданского общества, однако реализация этих мер наталкивается на невозможность верификации субъектов, действующих исключительно в цифровой среде²³. Для преодоления этого барьера необходимо внедрение в национальную статистику категории «субъектов гражданской активности без образования юридического лица» с последующим их профилированием через Единый интерактивный портал государственных услуг.

Это позволит трансформировать систему мониторинга из инструмента

²²Ибрагимова Г. Трансформация гражданского общества в Узбекистане: цифровой и неформальный аспекты // Юридический вестник. – Ташкент, 2023. – № 2. – С. 45-52.

²³Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.03.2021 г. № ПП-5012 «О дополнительных мерах по поддержке государственных институтов гражданского общества» // Национальная база данных законодательства (Lex.uz).

фиксации юридических лиц в инструмент анализа реальной социальной динамики, обеспечив прозрачность финансовых потоков и повысив уровень доверия между государством и обществом в условиях цифрового суверенитета Нового Узбекистана²⁴.

На современном этапе государственного строительства в Республике Узбекистан вопросы типологии институтов гражданского общества приобретают особое значение в силу расширения их роли в процессах общественного контроля и реализации программ социально-экономического развития. В рамках правовой доктрины классификация указанных институтов традиционно опирается на нормы Конституции Республики Узбекистан и профильного законодательства о негосударственных некоммерческих организациях²⁵. Тем не менее, усложнение структуры общественных отношений диктует необходимость перехода от формального перечисления организационно-правовых форм к многомерной классификационной модели. Научный анализ позволяет выделить в качестве самостоятельных объектов классификации не только общественные объединения и фонды, но и органы самоуправления граждан, профессиональные союзы и политические партии, каждый из которых обладает специфическим правовым статусом²⁶.

Процесс интеграции цифровых технологий в сферу государственного и общественного управления открывает новые возможности для структурирования информации о деятельности негосударственного сектора. В настоящее время информационные ресурсы, фиксирующие деятельность

²⁴Закон Республики Узбекистан «О волонтерской деятельности» от 02.12.2019 г. № ЗРУ-585.

²⁵Конституция Республики Узбекистан (в новой редакции). — Ташкент: «O'zbekiston», 2023. — Статьи 76–77 (Глава XIII. Институты гражданского общества).

²⁶Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. — 1999 г. — № 5. — С. 115.

различных институтов гражданского общества, характеризуются определенной степенью децентрализации. Научный интерес представляет создание единой методологической базы, которая позволила бы объединить сведения в рамках единого информационного пространства, что согласуется с приоритетами государственной политики по поддержке негосударственных структур. Это позволит не только обеспечить высокую степень транспарентности, но и сформировать репрезентативную статистическую выборку для проведения фундаментальных правовых исследований²⁷.

Основополагающим элементом модернизации системы учета институтов гражданского общества видится создание единого электронного реестра с внедрением механизма четкой сегментации. Научно обоснованная сегментация должна базироваться на комплексном подходе. Целесообразно выделить функционального сегмента, позволяющего разграничить организации по характеру их основной деятельности: социальное обслуживание, правовое просвещение или экспертно-аналитическая работа.

Важным элементом структуры реестра должен стать операционный сегмент, отражающий уровень вовлеченности организации в реализацию проектов на основе государственного социального заказа. Подобная архитектура данных позволит сформировать детализированный профиль каждого субъекта гражданского общества, что значительно упростит статистический учет и анализ эффективности сектора на долгосрочную перспективу²⁸.

REFERENCES:

²⁷Указ Президента Республики Узбекистан № УП-6181 от 4 марта 2021 года «О мерах по поддержке негосударственных некоммерческих организаций, обеспечению свободы их деятельности, защиты прав и законных интересов».

²⁸ Информационно-статистический обзор деятельности институтов гражданского общества. — Ташкент: Министерство юстиции Республики Узбекистан, 2024.

1. Конституция Республики Узбекистан (в новой редакции, принятой на референдуме 30 апреля 2023 года). — Ташкент: «O'zbekiston», 2023. — Глава XIII, Статьи 76-79.

2. Закон Республики Узбекистан «Об общественном контроле» от 12.04.2018 г. № ЗРУ-474.

3. Закон Республики Узбекистан «О волонтерской деятельности» от 02.12.2019 г. № ЗРУ-585.

4. Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» (новая редакция) // Ведомости Олий Мажлиса РУз. – 1999. – № 5. (с изменениями и дополнениями).

5. Закон Республики Узбекистан «О волонтерской деятельности» от 02.12.2019 г. № ЗРУ-585.

6. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.03.2021 г. № ПП-5012 «О дополнительных мерах по поддержке государственных институтов гражданского общества» // Национальная база данных законодательства (Lex.uz).

7. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-6181 от 4 марта 2021 года «О мерах по поддержке негосударственных некоммерческих организаций, обеспечению свободы их деятельности, защиты прав и законных интересов».

8. Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158 «О Стратегии „Узбекистан – 2030“» // Национальная база данных законодательства (Lex.uz).

9. Стратегия «Узбекистан – 2030»: Направление 5 «Превращение страны в безопасное и миролюбивое государство». Раздел о развитии свободного гражданского общества и демократии

10. Жураев Н. Научно-теоретические основы институционализации

Contact: 99 826 99 56

гражданского общества в Новом Узбекистане // Журнал актуальных исследований. — 2023 год. — № 3.

11. Исамухамедов Темур Маратович. Институциональная структура гражданского общества в Новом Узбекистане: анализ уровней взаимодействия // Электронный научный журнал «Science and Education». — 2024 год. — Том 5. — Выпуск 3.

12. Жураев Нажмиддин. Региональные аспекты развития гражданской активности в Республике Узбекистан // Журнал актуальных исследований. — 2024 год. — № 6.

13. Рахимов Марат Анварович. Правовые основы деятельности местных институтов гражданского общества в контексте административной реформы // Вестник юридических наук Республики Узбекистан. — 2024 год.

14. Сайидов Акмаль Холматович. Конституционный статус институтов гражданского общества и международное сотрудничество // Журнал «Демократизация и права человека». — 2025 год. — № 1.

15. Мухаммадиев, Отабек Бахриддинович. Место и роль традиционных институтов в системе современного гражданского общества Узбекистана / Отабек Бахриддинович Мухаммадиев // Научный вестник Самаркандского государственного университета. — 2024 год. — № 2. — Страницы 88–94.

16. Эргашев Рустам Хайдарович. Профессиональные союзы в системе институтов гражданского общества: правовые аспекты трансформации / Рустам Хайдарович Эргашев // Юридическая наука и практика. — 2025 год. — № 3. — Страницы 110–117.

17. **Хакимов, Рахим Расулжонович.** Парламентаризм и институты гражданского общества: механизмы эффективного сотрудничества в Новом Узбекистане / Рахим Расулжонович Хакимов // Право и жизнь. — 2024 год. — № 5. — Страница 14.

18.Гафурова, Дилноза Муратовна. Субъекты общественного контроля в системе защиты конституционных прав граждан / Дилноза Муратовна Гафурова // Журнал социологических исследований. — 2025 год. — Том 7. — Выпуск 1. — Страница 42.

19.Муминов, Санжар Саидович. Проблемы институциональной автономии в системе гражданского общества Нового Узбекистана / Санжар Саидович Муминов // Вестник юридических наук. — 2024 год. — № 4. — Страница 22.

20.Муминов, Санжар Саидович. Проблемы институциональной автономии в системе гражданского общества Нового Узбекистана / Санжар Саидович Муминов // Вестник юридических наук. — 2024 год. — № 4. — Страница 22.

21.Юлдашева, Нигора Анваровна. Анализ деятельности «квазигосударственных» общественных структур в контексте административных реформ / Нигора Анваровна Юлдашева // Журнал государственного управления и политики. — 2024 год. — Том 8. — Выпуск 2. — Страница 64.

22.Каримов, Азиз Бахтиярович. Правовые механизмы предотвращения конфликта интересов при осуществлении общественного контроля / Азиз Бахтиярович Каримов // Юридическая мысль Узбекистана. — 2025 год. — № 1. — Страница 37.

23.Саидов А.Х. Гражданское общество Узбекистана: институциональный анализ и перспективы цифровизации // Журнал правовых исследований. — 2023. — №8. — С. 12-19.

24.Юсупов Ш. Трансформация волонтерских движений в Центральной Азии: от стихийности к системности // Социологические исследования Узбекистана. — 2022. — Т. 4, №2. — С. 45-51.

Contact: 99 826 99 56

SCIENTIFIC CONFERENCE OPEN PROCEEDINGS

Global Academic Knowledge Repository

25. **Ибрагимова Г.** Трансформация гражданского общества в Узбекистане: цифровой и неформальный аспекты // Юридический вестник. – Ташкент, 2023. – № 2. – С. 45-52.

Contact: 99 826 99 56

